

ЧЕЛОВЕК И ТРУД В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

В статье аргументируется вывод об исчерпании потенциала двух ветвей общей экономической теории, тяготеющих к трудовой стоимости (в марксистской интерпретации) и предельной полезности (в концепции маржинализма). Предлагается искать элементы новой парадигмы в пространстве триады «человек – труд – глобализация».

Ключевые слова: трудовая концепция стоимости, предельная полезность (маржинализм), методологический индивидуализм, методологический плюрализм, человек в постиндустриальную эпоху, труд и его особенности в контексте глобализации.

V. I. Peftiev

THE PERSON AND WORK IN A GLOBALIZATION CONTEXT: CONCEPTUAL NOTES

In the article the conclusion about exhaustion of potential of two branches of the general economic theory gravitating to labour cost (in Marxist interpretation) and limiting utility (in the concept of marginalism) is proved. It is offered to search elements of a new paradigm in triad space “the person – work – globalization”.

Key words: the labour concept of cost, limiting utility (marginalism), methodological individualism, methodological pluralism, the person during a postindustrial epoch, work and its features in a globalisation context.

Тревога за состояние общей экономической теории настолько сильна, что отражается в названиях публикаций последних двух-трёх лет [4; 10]. Экономическая наука начала XXI века многослойна и многолика; в ней борются за внимание и признание со стороны научного сообщества, политической элиты и топ-менеджеров разные школы, доктрины и течения. Отсюда неравномерность и неоднозначность кризисных явлений.

Неокейнсианство и неоинституционализм вкупе с эконометрикой могут ещё порадовать себя и своих сторонников достижениями, которые претендуют на Нобелевские премии по экономике. С огромным напряжением пытается сохранить своё доминирование в преподавании и вузовской науке неоклассический синтез (мейнстрим), но исчерпан или близок к исчерпанию теоретико-методологический потенциал двух ветвей «старой» политэкономии, в духе традиций XIX века, а именно: теории трудовой стоимости (в марксистской интерпретации) и предельной полезности (в концепции маржинализма). Полагаем, что настало время для поиска новой парадигмы, то есть гипотезы, объясняющей крупномасштабные перемены в экономике и обществе и дающей задел для учёных на целое столетие или на многие десятилетия как минимум. Элементы будущей парадигмы, на наш взгляд, могут быть обнаружены в пространстве триады «человек – труд – глобализация». Весомый вклад в её становление вносит костромская школа новой политической экономии (М. И. Скаржинский, В. В. Чекмарев, Н. П. Гибало), обогатившая наши знания в области экономического пространства, нефизиче-

ского капитала и методологии исследования экономических отношений [11].

Всемирная экономическая мысль пережила четыре методологические революции. **Первая** революция открылась энциклопедическим трудом *А. Смита* «Богатство народов», и завершилась публикацией первого тома «Капитала» *К. Маркса* (1867). Две волны **маржиналистской** революции (70-е и 90-е годы XIX в.) целиком и полностью изменили конфигурацию экономической науки: полезность вместо стоимости, **функциональные** связи впереди причинно-следственных, введение **предельных** величин, акцент на индивидуальные ожидания и предпочтения покупателей. В середине 30-х гг. XX в. *Дж. М. Кейнс* тщательно проанализировал органические «провалы рынка» и реабилитировал активное присутствие государства в экономике. С учреждением Нобелевской премии по экономике (1968) начинается четвёртая методологическая революция – **эконометрика**, опирающаяся на изощрённые математические модели и системы уравнений. Экономические доктрины, сопровождающие каждую методологическую революцию, испытывали моменты непрекаемого авторитета и шумной славы и даже моды, но в конце концов не смогли скрыть от посторонних наблюдателей ограничения и слабости своих теоретико-методологических конструкций. И тем не менее, в каждой доктрине и парадигме имеется «твёрдое ядро», которое обладает статусом **относительной истины** и попадает в разряд **непреложного**. Мир экономистов находится, полагаем, на дальних подступах к **пятой** методологической революции.

История экономической мысли не единожды подтверждает справедливость житейской мудрости: недостатки – это продолжение достоинств. Нечто подобное наблюдается и с марксистской концепцией стоимости. Суммируем основные претензии к ней со стороны научных критиков.

Затраты труда как основание стоимости прямо и непосредственно несоизмеримы и несопоставимы, отчего стоимость попадает в группу нерешаемых задач, ибо **неизвестное** определяется через **неизвестное**. У марксистов завышенные ожидания от **дедукции** в ущерб индукции и регулярному наблюдению (мониторингу) за происходящим в действительности. В вопросе о роли дедукции имеет место странное сближение марксистов и маржиналистов (*К. Менгер*), что отмечено дореволюционными экономистами [8]. Марксисты предпочитают логико-словесный (вербальный) стиль исследования и изложения с отказом от изучения алгоритма **функционирования** феномена. У марксистов повально фигурируют сверхдалние прогнозы и предсказания, которые на деле оказываются **утопиями**. Марксистам присуща абсолютная **неготовность** к сближению позиций с позициями научных оппонентов. Но стоимость, по *Ф. Энгельсу*, – это отношение затрат к полезности, то есть возможен частичный синтез выводов и аргументов в дискуссии по конкретному предмету. Не удаётся, несмотря на экстраординарные усилия нескольких поколений экономистов-математиков, разрешить или хотя бы убедительно объяснить **противоречия** между идеями разных томов «Капитала».

В глубоком кризисе пребывает и маржинализм в скорлупе «экономикс». Он стоит на развилке дорог: либо превращение в экономику «классной доски», то есть **упрощённых** схем и графиков, либо **растворение** в разработках маркетологов и менеджеров, но тогда ему грозит потеря самостоятельности и включение в корпус знаний по теории и практике управления. Не исключён и промежуточный вариант: обогащение отдельных понятий экономической теории за счёт обобщения корпоративной практики [3]. В критике маржинализма на помощь приходят марксисты, так как основной изъян маржинализма действительно состоит в **методологическом индивидуализме**, который не позволяет раскрыть генезис и динамику общественных потребностей и интересов, сдвиги в структуре общественного воспроизводства [5].

История взаимоотношений представителей конкурирующих концепций познавательна и поучительна. В 1890 г. *М. И. Туган-Барановский* впервые сформулировал гипотезу о том, что предельная полезность пропорциональна трудовым затратам. Эта гипотеза, известная в истории экономической мысли как «теорема Туган-Барановского», интенсивно обсуждалась в российской литературе. Её математическое доказательство представил *Н. А. Столяров* (1902). Подход Туган-Барановского критически оценил *В. К. Дмитриев* (1904). Высказывался по этому поводу и *В. Гиришфельд* (1910). Ортодоксальные марксисты напрочь отринули эту теорию как покушение на канон или воспринимали как «искажение» марксизма. В 90-х годах прошлого века о желательности синтеза концепций трудовой стоимости и предельной полезности писали *Е. Королькова* (1911) и *И. П. Смирнов* (1995) [4]. Оставим будущим поколениям исследователей выяснение вопроса о том, какой сценарий развития событий ближе к истине: а) синтез невозможен по определению; б) сближение возможно, но с существенными дополнениями и уточнениями и в) обе концепции потеряют актуальность и станут эпизодом истории экономической мысли. Автор статьи склоняется к **третьей** версии.

Любопытна судьба той и другой концепций применительно к решению прагматической задачи по исчислению совокупного продукта. В 20-х гг. XX в. советские статистики в рамках марксизма предложили модель **баланса народного хозяйства** (БНХ). Американский экономист русского происхождения В. Леонтьев обосновал и внедрил оригинальную матрицу «затраты – выпуск». В 1968 году статистическая комиссия ООН рекомендовала в качестве международного стандарта **систему национального счетоводства** (СНС). БНХ и СНС отличаются по доктринальным предпосылкам: **первая** система исходит из постулата о единственном источнике совокупного продукта (труд) и различает труд производительный и непроизводительный; **вторая** – опирается на концепцию трёх факторов производства (земля, труд, капитал) и включает любые платные услуги в состав валового внутреннего продукта (ВВП). СССР перешёл на СНС в 1988 г. Составление БНХ – операция трудоёмкая и выполняема один раз в 5–10 лет. Обе системы удовлетворительно дополняют друг друга, хотя и требуют для сопоставления существенных корректировок. В

настоящее время готовится новая версия СНС с участием российских статистиков. Отрабатывается методика исчисления конечного продукта по **добавленной стоимости**.

Теории, как и люди, рождаются, проходят фазы жизненного цикла (от младенчества до старости) и умирают. Классика и маржинализм в политэкономии – это «долгожители», испытавшие все превратности исторической судьбы. Воздадим им должное, но признаем и то, что креативный потенциал исчерпан. Где и как искать крупницы будущей парадигмы? Пространство поиска обозначено в названии статьи. По триаде «человек – труд – глобализация» имеется разносторонняя информация (пусть не всегда равноценная) в новейшей литературе (экономической и не только). Сложнее с ответом на вопрос «Как?». С него и начнём презентацию нашей позиции и предлагаемых подходов.

Каждая парадигма – порождение эпохи. Со сменой эпохи надо менять исходный пункт анализа. Для XIX века таковым был **товар** – элементарная клеточка богатства нации, да и богатство было ограниченным по составу: драгоценные металлы, продовольствие и ткани, в конце XIX века к ним добавились металлы, нефть, электроэнергия. Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался расширением горизонта исследований до **мирового хозяйства**. Соответственно, в политэкономии свершилась кардинальная **инверсия**: не от простого к сложному, а от расщеплённого сложного (глобализация) через промежуточные ступени (регионализм или ТНК) к простому (товар). Товар в эпоху глобализации становится ячейкой **программно-целевой** стратегии.

В глобализации первичным является **человек**, его восприятие происходящего и совершаемые им поступки. Глобализация для человека предстаёт как **шанс** (им надо воспользоваться), **вызов** (требуется нетривиальный ответ) и как **угроза** (её надлежит устранить или минимизировать). Отсюда и причудливый спектр восприятия глобализации, сочетающий в разных долях оптимизм, скептицизм и пессимизм.

Современный кризис – незаменимый материал для теоретиков и аналитиков по изучению поведения рыночных агентов в обстановке тотальной **неопределённости**. Безудержная **паника** охватила население, малый и средний бизнес. Иррациональные действия допускали даже ТНК, имеющие мощные службы управления рисками. К счастью, паника в России была

кратковременной. Обнажился **эгоизм** отдельных банков и корпораций, которые бюджетные и кредитные деньги направляли на спекулятивные операции с долларами и депозитами за рубежом, а не по назначению – для кредитования и инвестирования в реальный сектор экономики. Это вынуждает власти России прибегать к принуждению через правоохранительные органы и санкции финансовой разведки. Первые же трудности вызывают у банков, страховых и ипотечных компаний взаимное **недоверие**, что усугубляет ситуацию, доводя её до кризисной. Но нет худа без добра. Неизбежный при кризисе эффект «потряхивания» (банкротства) отрезвляюще действует на остальных, вынуждая подключать инстинкт выживания, возрождать инициативность. Кризис гасит былую эйфорию и завышенные ожидания, приучает – хотя бы на время – к осмотрительности, взвешенности, рачительности. Спешно разрабатываются программы снижения издержек, повышения производительности труда, избавления от непрофильных активов и принимаются другие меры.

Глобализация внесла существенные сдвиги в систему **потребностей** современного человека. Пирамида потребностей А. Маслоу (потребности витальные, в безопасности и гарантированной работе, социальной принадлежности, в общественном признании и утверждении) не растеряла своего авторитета на локальном, отраслевом и социо-профессиональном уровнях, но она не годится для эпохи глобализации, у которой иные, чем прежде, **осевые** потребности. К таковым относятся следующие потребности: а) в информации и знаниях; б) в скорости движения информации, пассажиров (на любые расстояния) и активов и в) в общении.

Информация, включенная в экономический оборот, выделилась в особый вид ресурсов, что обеспечило немалые доходы специализированным фирмам. Знания (плюс навыки и умения) необходимы каждому от детского сада до университета и далее по всем ступенькам трудовой деятельности. Получение и приращение знаний сопровождается повышенной мобильностью граждан (внутри страны и за границей). **Цена** обретает новое свойство – быть продуктом **обработки** рынком и его агентами доступной **информации** (биржевой и внебиржевой, макроэкономической и корпоративной, «плохих» и «хороших» новостей).

Возрастает значение **времени** во всех его ипостасях (прошедшее, настоящее, будущее).

Тренды и ведущие тенденции обнаруживаются и фиксируются на больших промежутках истекшего времени. Многие спешат удовлетворить свои потребности «здесь и сейчас», не откладывая на неопределённое будущее. Эпоха глобализации поощряет быстрые и эффективные решения. В большинстве аналитических расчётов и прогнозов учитывается **лаг**, то есть промежуток времени между принятием решения (любого ранга и масштаба) и его ближайшими и отдалёнными последствиями. В неизвестном будущем таятся **риски**, которые необходимо предвидеть.

Масштабная трудовая и иная миграция населения между странами и континентами вольно или невольно вынуждает к общению, которое в зависимости от времени и места может быть дружественным, во всяком случае, цивилизованным, а может быть и враждебным, агрессивным. Контакты между представителями разных цивилизаций, религий, культур и языков чреваты конфликтами и трениями, но могут и способствовать взаимному материальному и духовному обогащению. Коммуникативность (способность к общению) входит ныне в состав квалификационных требований для работников. Философы могут поразмыслить над тем, чем общение отличается от труда, есть ли между ними точки сближения и соприкосновения. Пора по-новому взглянуть на Марксову концепцию отчуждения (рукописи 1844 г. и другие произведения).

Науки о человеке и обществе накопили богатейшие эмпирические данные о **постиндустриальном труде**. Наблюдений много, но мало концепций. Отсюда и приставка «пост», что означает: перемены обнаружены, но их природа неизвестна. Наша интерпретация постиндустриального труда такова. Наступила **краткосрочность** ориентации работника на освоенную профессию и должность. Имеет место смена точек **приложения труда**, то есть закон перемены труда, обнаруженный Марксом относительно машинного труда, расширил сферу своего действия. Трудящиеся освобождаются от тотального **контроля** со стороны работодателя, владельца капитала. **Делокализация** (перенос бизнеса и активов из страны в страну) освобождает капитал от перманентной привязанности к определенному персоналу. Происходит взаимное **разъединение** труда и капитала, а не соединение, как в эпоху мануфактурного и машинного производства. Иными словами,

отношения труда и капитала лишаются остроты **антагонизма** и переводятся в плоскость **конфликтов** и **компромиссов**. Эти перемены – актуальный предмет для рефлексии в рамках «старой» и «новой» политэкономии.

Актуальный, но ещё дискуссионный гуманитарный аспект глобализации – роль и место **интеллекта** (таланта, творчества, креативности) в современном обществе. В учебнике по экономике и социологии труда *Б. М. Генкин* определяет творчество как источник новых идей, образов, представлений, то есть основу духовного богатства, которое увеличивает массу и качество жизненных благ. Свой вывод Б. М. Генкин подкрепляет афоризмом *А. С. Пушкина*: «Не продаётся вдохновение, но можно рукопись продать!» [2]. *Ю. Ольсевич* ищет причины и обстоятельства, вызывающие появление в эпоху глобализации разных типов людей: новаторов, хищников, рутинеров, оппортунистов. В России мало новаторов, но преобладают остальные типы [1]. *А. Л. Браславский* видит в интеллекте основное производственное отношение посткапиталистической эпохи и выделяет **четвёртый** фактор производства – капитализацию интеллекта. *М. А. Терентьев* настаивает на том, что сущностное свойство собственности – это интеллект [13].

Столь разноречивые трактовки, на наш взгляд, свидетельствуют о начальной фазе формирования интегративных знаний о глобализации. Такой тип знания появляется не сразу; он предполагает методологический плюрализм вместо монизма, междисциплинарные исследования, поиски пространства совместимости концепций и доктрин, преодоление неизбежного эклектизма. Об этом плодотворно размышляют *А. Н. Олейник*, *В. В. Радаев* и другие учёные, ратующие за обмен мнениями между учёными разных направлений [6; 9]. Надеемся, что при решении задачи по интеграции разрозненных знаний важные подсказки нам дадут дореволюционные мыслители.

Так, *В. С. Соловьёв* (1853–1900) выделил три состояния цельного знания (1877). **Первое** состояние – знания без определенного места и назначения; различия элементов социального организма не выражены, скрыты, их способности не проявлены. **Второе** состояние предполагает выделение (обособление) этих особенностей. И лишь при **третьем** состоянии связь становится внутренней, сообразно собственному назначению каждого элемента. Они поддержи-

вают и восполняют друг друга в силу подлинной солидарности [2]. Видимо, глобализация и наши знания о ней не вышли из круга характеристик первого состояния. Но перспективы яс-

ны и очерчены, что даёт повод на становление в обозримом будущем приемлемой парадигмы, приближенной к реальному ходу истории.

Библиографический список

1. Браславский, А. А. Основное производственное отношение посткапиталистической эпохи интеллектуализации [Текст] / А. А. Браславский // Экономическая наука современной России. – 2008. – № 2. – С. 111–126.
2. Генкин, Б. М. Экономика и социология труда [Текст] : учебник для вузов / Б. М. Генкин. – 7-е изд., доп. – М.: Норма, 2007. – С. 22–23.
3. Гнатко, В. С. Менеджмент и экономическая теория [Текст] // Проблемы новой политической экономики / В. С. Гнатко, В. И. Пефтиев. – Спец. выпуск 2. – Кострома, 2006. – С. 55–59.
4. Колпаков, В. А. Кризис экономической науки как потеря её жизненной значимости [Текст] / В. А. Колпаков // Эпистемология и философия науки. – 2007. – № 2.
5. Кирдина, С. Теория и практика современного развития отрицает методологический индивидуализм [Текст] / С. Кирдина // Экономист. – 2008. – № 8. – С. 58–77.
6. Олейник, А. Н. Научная коммуникация на стыке парадигм [Текст] / А. Н. Олейник // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 116–128.
7. Ольсевич, Ю. Экономическая теория и природа человека: становится ли тайное явным? [Текст] / Ю. Ольсевич // Вопросы экономики. – 2007. – № 12. – С. 27–42.
8. Пефтиев, В. И. Комментарии к публикациям В. П. Воронцова (1887) и П. Б. Струве (1908) [Текст] / В. И. Пефтиев // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 3 (56). – С. 145–149.
9. Радаев, В. В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии [Текст] / В. В. Радаев // Социс. – 2008. – № 7. – С. 24–33.
10. Салахов, Б. Адекватна ли политэкономия современной экономики общественным реалиям? [Текст] / Б. Салахов // Общество и экономика. – 2006. – № 3.
11. Скаржинский, М. И. Методология экономической науки [Текст] / М. И. Скаржинский, В. В. Чекмарев. – Кострома: КГУ, 2007. – 358 с.
12. Соловьёв В. С. Соч. [Текст] : в 2 т. – Т. 2. / В. С. Соловьёв. – М.: Мысль, 1988. – С. 143.
13. Терентьев, М. А. Собственность в процессе глобализации [Текст] / М. А. Терентьев // Экономический вестник Ярославского университета. – 2008. – № 19. – С. 35.
14. Цвайнерт, Й. История экономической мысли в России. 1805–1905 [Текст] / Й. Цвайнерт. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – С. 332–334.